

Арктика и Север. 2026. № 62. С. 192–211.

Научная статья

УДК [332.142.2+332.146.2](985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.192>

Формирование институциональной основы повышения социальной привлекательности арктических территорий России

Витун Светлана Емельяновна¹, кандидат экономических наук, доцент

Григорищин Алексей Викторович², кандидат экономических наук, старший преподаватель

Сивоброва Ирина Анатольевна³✉, кандидат экономических наук, доцент

Яхяев Дилмурад Батырджанович⁴, старший преподаватель

¹ Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, Гродно, Республика Беларусь

^{2, 3, 4} Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ s.vitun@grsu.by, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-8523>

² a.grigorishchin@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5087-7677>

³ i.sivobrova@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2592-3763>

⁴ d.yahyaev@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3650-3924>

Аннотация. Настоящее исследование направлено на изучение феномена социальной привлекательности арктических территорий России, её институциональной основы, действующих и перспективных механизмов развития. Предложен авторский теоретико-методологический подход к социальной привлекательности регионов как системе социально-экономических механизмов государственного регулирования развития Севера и Арктики. Проведённый обзор ретроспективы формирования и развития социальной привлекательности арктических территорий позволил проанализировать эволюцию государственно-правовых подходов к объекту исследования за вековую историю. Всего авторами было выделено пять этапов реализации арктической повестки (начиная с 1930-х гг. и заканчивая текущим этапом человеческого развития Севера) с учётом горизонта стратегического планирования до 2030 г. Выполнена систематизация действующих и формирующихся государственных, рыночных и корпоративных механизмов регулирования социальной привлекательности, оказывающих существенное влияние на социальный потенциал российской Арктики. Обоснована необходимость трансформации институционального подхода к формированию и развитию социальной привлекательности арктических территорий на основе индикативного признака. Результаты исследования могут лечь в основу корректировки государственной политики по социальному развитию Арктики в части целевого системного перехода на перспективную социальную привлекательность для опережающего развития макрорегиона.

Ключевые слова: Арктика, институциональная основа, социальная привлекательность, социальная инфраструктура, социальная политика, систематизация механизмов

Formation of an Institutional Basis for Increasing the Social Attractiveness of the Arctic Territories of Russia

Sviatlana E. Vitun¹, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

* © Витун С.Е., Григорищин А.В., Сивоброва И.А., Яхяев Д.Б., 2026

Для цитирования: Витун С.Е., Григорищин А.В., Сивоброва И.А., Яхяев Д.Б. Формирование институциональной основы повышения социальной привлекательности арктических территорий России // Арктика и Север. 2026; 62: 192–211. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.192>

For citation: Vitun S.E., Grigorishchin A.V., Sivobrova I.A., Yahyaev D.B. Formation of an Institutional Basis for Increasing the Social Attractiveness of the Arctic Territories of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 62: 192–211. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.192>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Aleksey V. Grigorishchin², Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer
Irina A. Sivobrova³✉, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor
Dilmurad B. Yahyaev⁴, Senior Lecturer

¹Yanka Kupala State University of Grodno, ul. Ozheshko, 22, Grodno, Republic of Belarus

^{2,3,4} Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹s.vitun@grsu.by, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-8523>

²a.grigorishchin@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5087-7677>

³i.sivobrova@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2592-3763>

⁴d.yahyaev@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3650-3924>

Abstract. This study examines the phenomenon of social attractiveness of the Arctic territories of Russia, its institutional basis, current and prospective development mechanisms. The authors propose a theoretical and methodological approach to the social attractiveness of regions as a system of socio-economic mechanisms for state regulation of the development of the North and the Arctic. A retrospective review of the formation and development of the social attractiveness of Arctic territories made it possible to analyze the evolution of state and legal approaches to the object of study over a century of history. In total, the authors identified five stages of the implementation of the Arctic agenda (from the 1930s to the current stage of human development in the North), taking into account the strategic planning horizon until 2030. The existing and emerging state, market and corporate mechanisms for regulating social attractiveness, which have a significant impact on the social potential of the Russian Arctic, are systematized. The need to transform the institutional approach to the formation and development of the social attractiveness of the Arctic territories on the basis of an indicative feature is substantiated. The results of the study can form the basis for adjusting state policy on social development of the Arctic in terms of a targeted systemic transition to promising social attractiveness for the accelerated development of the macro-region.

Keywords: *Arctic, institutional framework, social attractiveness, social infrastructure, social policy, systematization of mechanisms*

Введение

Рост геополитической напряжённости в Арктике, связанный с возможной и активно обсуждаемой межгосударственной сменой территориальной принадлежности отдельных арктических пространств, а также изменение военно-политического ландшафта [1, Petrovskiy V.E.] вынуждают отдельные государства, и в частности Россию, искать новые формы защиты своих государственных границ, прав и интересов в регионе. Классическая теория государства провозглашает триаду его элементов: «территория — народ — власть», при этом именно наличие на территории постоянного населения является ключевым аргументом при установлении государственных границ и суверенитета. Актуальность известного латинского выражения *terra nullius* («ничья земля») [2, Балаклеец Н.А.] возрастает, когда происходит «обезлюживание» территорий. Российская Арктика характеризуется сформированными на протяжении последних десятилетий устойчивыми негативными тенденциями сокращения постоянного населения, в первую очередь за счёт миграционного оттока [3, Фаузер В.В.]. Факторы миграции на северных и арктических территориях достаточно подробно исследованы и опубликованы в работах ведущих российских и зарубежных учёных-демографов [4, Уханова А.В.; 5, Руденко Д.Ю.; 6, Heleniak T.]. Резюмируя результаты этих и смежных исследований, можно сделать вывод, что именно социальная группа факторов является определяющей. Это значит, что для сохранения и увеличения численности

постоянного населения в Арктической зоне необходимо создавать комфортные условия для проживания, повышать социальную привлекательность территории, феномен которой до конца не изучен.

Арктические территории России сильно дифференцированы по уровню социально-экономического развития, а значит, все они различаются по параметрам социальной привлекательности, что в конечном итоге прямым образом влияет на демографические процессы в Арктике, население которой по итогам переписи населения с 1989 по 2021 гг. сократилось на 37,5%, и такая тенденция сохраняется [7, Фаузер В.В.]. Проблема осознаётся и поднимается на государственном уровне, но для её решения необходим поиск новых механизмов и инструментов повышения социальной привлекательности, изменение подхода в формировании общественной мотивации к жизни и труду на арктических территориях.

В настоящий момент в России формируется и внедряется новая институциональная основа пространственно-территориального развития государства на период 2025–2030 гг. (до 2035 г.). Это подтверждается корректировкой и принятием важных документов системы стратегического планирования — Стратегии пространственного развития до 2030 г., Стратегии национальной безопасности, Национальных целей развития (Национальных проектов до 2030 г.) и др. Например, основной целью пространственного развития определено формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики страны, в том числе путем создания сети опорных населённых пунктов, в которых будет сосредоточена доступная и качественная социальная инфраструктура. Арктическому макрорегиону отводится особая геостратегическая роль центра будущего экономического роста, при этом здесь сохраняется дисбаланс между экономическим и социальным развитием территории. Поэтому становится очевидным, что сохранение и преумножение социального потенциала в регионе — это приоритетная стратегическая общегосударственная задача, решение которой требует не только различных видов ресурсов, но и корректировки государственной политики.

Первичный анализ формирующейся институциональной основы позволяет сделать вывод, что в настоящий момент происходит структурное смещение акцента с промышленного на социальное развитие в Арктике. Именно человек признается основным драйвером социально-экономического освоения этих территорий. Для сохранения постоянного населения и привлечения квалифицированных специалистов государство уже сейчас вводит систему мер поддержки, например, для решения проблем с жильём — «Арктическая ипотека», для создания социальной инфраструктуры — компенсация затрат на строительство «Арктическая концессия» или президентская «Единая субсидия» арктическим и дальневосточным регионам и др. Особо стоит отметить утверждение перечня опорных

населённых пунктов Арктической зоны РФ¹. Правительством определено 16 арктических опорных населённых пунктов, на территории которых апробируется новый стандарт комфортности и привлекательности для жизни. Для этих опорных точек создаются специальные мастер-планы развития, тем самым формируется пояс центров экономического роста в Арктике.

Целью данного исследования является систематизация ключевых механизмов повышения социальной привлекательности арктических территорий путем их обобщения по критерию регулирующего воздействия и обоснование необходимости перехода на управление перспективной социальной привлекательностью макрорегиона как приоритета государственной политики с целью опережающего развития Арктики.

Теоретические подходы к изучению социальной привлекательности территории

На протяжении десятилетий основной акцент в экономических исследованиях северных и арктических территорий был направлен на изучение инвестиционной привлекательности в целях хозяйственного освоения макрорегиона. Экономические приоритеты так же являлись определяющими при разработке и реализации государственной политики, что отражалось в программных и проектных документах по развитию арктических пространств. Вопросам изучения инвестиционной привлекательности Арктики посвящены труды В.А. Цукермана, В.Н. Мякшина, О.М. Гизатуллиной, Н.А. Серовой, С.Ю. Козьменко, И.И. Матвиенко и др. Подход «Арктика — кладовая ресурсов и гарантия экономического суверенитета государства» сохраняется и в настоящее время, но всё больше внимания уделяется проблемам социальной освоенности территории.

Исследованием экономической сути социальной привлекательности территории ученые занимаются уже продолжительное время. Среди наиболее предметных исследований современного периода можно выделить работы уральской экономической школы (академик А.И. Татаркин, Е.В. Попов, И.С. Кац, Е.Н. Сидорова), фундаментальные труды по изучению социальной привлекательности территориально-отраслевой социально-экономической системы региона (ТОСЭС) В.А. Рубана, концепции конкурентной привлекательности территории учёных Института проблем региональной экономики РАН (Б.М. Гринчель, Е.А. Назарова), стратегические направления развития маркетинга территорий как основы повышения социальной привлекательности регионов (Г.В. Двас, Ю.И. Бушенева, В.Г. Карвицкая, Б.М. Хасбулатова, Е.И. Чарушина).

Для целей настоящего исследования был проведён компаративный анализ подходов ученых-североведов к социальной привлекательности северных и арктических территорий. Экономисты обычно применяют акторный подход к изучению функциональной (или организационной) роли социальной привлекательности территории и оценивают её для

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.11.2023 N 3377-р (ред. от 13.08.2024) «Об утверждении перечня опорных населённых пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408019009/> (дата обращения: 10.02.2025).

двух основных акторов: населения и бизнеса. В первом случае социальная привлекательность характеризуется как «совокупность факторов, определяющих степень комфорта данной территории для проживания населения» [8, Попов Е.В., с. 58]. Для бизнеса социальная привлекательность рассматривается как «способность социально-экономических систем региона удовлетворять спрос субъектов рынка социальных услуг» [9, Рубан В.А., с. 128], при этом оценивается не только физическое наличие необходимого количества трудовых ресурсов для решения поставленных хозяйственных задач, но и их качество, уровень квалификации. Автор пяти концептуальных положений социально-экономического развития Севера России В.Н. Лаженцев выделяет важность социального обустройства освоенных арктических территорий как определённый вызов предстоящего развития территориально-хозяйственных систем [10]. В.Н. Лексин отмечает дисбаланс между социальным и корпоративным освоением и утверждает, что социальное развитие Арктики является адекватной моделью ближайшего будущего России [11, с. 15–23]. Социологические подходы к социальной диагностике арктических регионов в своей основе направлены на изучение *воспринимаемой* социальной привлекательности территории для проживания и условий для жизнедеятельности. Например, В.В. Маркин и А.Н. Силин, анализируя социальный потенциал неоиндустриального освоения арктических регионов, применяют авторские методики социологических исследований в населённых пунктах арктического фронта, что позволяет формировать контуры прямых и косвенных характеристик количества и качества людей, выразивших желание жить и работать в Арктике [12]. Результаты исследований социологов Г.В. Жигуновой и Е.Н. Шаровой подтверждают рост актуальности создания более комфортных социальных условий для жизни населения в АЗРФ, а их респонденты выделяют одной из основных проблем неразвитость сферы услуг и недостаточность социальных условий для проживания граждан [13]. Специалисты по экономической географии в Арктике А.Н. Пилясов и Н.Ю. Замятина в своих работах отмечают безусловную зависимость социального развития Арктики от размещения производственных сил, что подтверждает теория локализованных полюсов роста [14]. Однако при разработке и апробации новой теории освоения Севера и Арктики в первую очередь акцентируют внимание на ключевой роли местного уровня низовых сообществ, которые, «включаясь и соединяясь с объектами и проектами регионального и национального значения, создают и другие уровни освоения» [15, с. 16–17].

Изучением отдельных элементов социальной привлекательности арктических территорий занимаются: социальная инфраструктура (Е.Е. Торопушина, Н.П. Веретенников, А.В. Григоришин, Л.В. Воронина, Т.Б. Скрипкина), продолжительность жизни (А.А. Проворова, О.В. Губина, В.П. Тоичкина), безработица и рынок труда (А.Г. Коровкин, Е.А. Корчак, Т.П. Скуфына, В.П. Самарина), климат (А.Г. Гранберг, Б.Н. Порфирьев, Л.А. Рябова, Е.М. Ключникова), социальное партнерство (Е.П. Башмакова, М.В. Иванова, У.Е. Якушева, Е.Е. Торопушина) и др. Центральным компонентом социальной привлекательности является

сформированность и развитие территориальной социальной инфраструктуры. Уровень развития социальной инфраструктуры оказывает прямое влияние на качество трудовых ресурсов в регионах [16, Григоришин А.В.]. При этом недооценка значения социальной инфраструктуры арктических территорий приводит к снижению привлекательности региона, росту социальной напряжённости в обществе, потере трудовых ресурсов [17, Торопушина Е.Е., с. 102].

Сам термин «социальная привлекательность территории» шире, чем, например, «уровень жизни», «качество жизни», «имидж территории» или «развитие человеческого потенциала», так как учитывает уровень развития территориальной инфраструктуры. Социальную привлекательность территории можно отнести к сложной и многомерной предметной категории. Для уточнения её экономической основы необходимо провести декомпозицию и исследование ее отдельных элементов. Авторы исследования предлагают подход к изучению социальной привлекательности арктических территорий как системы социально-экономических механизмов, которая состоит из двух основополагающих характеристик: социальный потенциал территории и социальная рискозащищённость.

Материалы и методы

Помимо общенаучных методов при проведении исследования широко использовались методы системного анализа и систематизации. Для определения степени изученности поднимаемой проблемы использовался метод компаративного анализа научной литературы в контексте теоретических подходов к предмету исследования. При изучении институциональной основы социальной привлекательности арктических территорий применялись методы контент-анализа документов системы стратегического планирования и программ проектно-целевого финансирования развития Арктики.

Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики; открытые данные по корпоративной социальной ответственности хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в Арктическом макрорегионе; стратегические и программные документы развития АЗРФ; нормативно-правовые акты, закрепляющие новые механизмы повышения социальной привлекательности Арктики. Особое внимание было уделено решениям профильных министерств и ведомств Правительства РФ и комитетов Федерального Собрания РФ, отвечающих за развитие арктических территорий.

Анализ эволюции государственно-правовых подходов к формированию и развитию социальной привлекательности арктических территорий позволил предложить авторский взгляд на необходимость и направления трансформации государственной политики социального развития Арктики.

Эволюция институциональных подходов к формированию и развитию социальной привлекательности Арктики

Несмотря на то, что арктическая повестка в стратегических целевых установках России претерпевает периодические изменения в расставляемых приоритетах, формулируемых задачах и используемых инструментах, неизменным остается потребность в трудовых ресурсах. Это определяет необходимость обоснованного ответа на главные экономические вопросы:

- кто эти трудовые ресурсы (количественный и качественный состав);
- как привлечь эти трудовые ресурсы (мотивационные механизмы).

Анализ государственных нормативных и правовых документов, определяющих отдельные элементы социальной привлекательности северных (арктических) территорий, позволил условно выделить:

- этапы реализации арктической повестки;
- векторы (объекты управления);
- приоритеты (субъекты управления).

Основные положения эволюции государственно-правовых подходов к формированию и развитию социальной привлекательности арктических территорий представлены на рис. 1. На первом этапе — 1930–1950-е гг. — была обозначена отраслевая направленность арктического региона как ключевой ресурсной базы страны, что обусловило его последующее социально-экономическое развитие. Вопрос дефицита рабочей силы решался двумя путями. С одной стороны, формировалась система «длинного» северного рубля, что являлось фактором привлечения трудоспособной рабочей силы, готовой выполнять самую тяжелую, грязную и непрестижную работу. С другой стороны, часть рабочей силы формировалась за счёт советской системы спецпоселений, именно на этот период приходится максимальная масштабность данного явления. Следует отметить, что по параметрам производительности и эффективности принудительный труд значительно отстает от добровольного. Одновременно необходимо было решать вопрос с размещением рабочей силы, требовалось недорогое и быстростроящееся жилье, которое впоследствии поменяло статус с временного на постоянное. Социальная инфраструктура должна была удовлетворять только необходимые базовые потребности, никаких дополнительных требований к ней не предъявлялось.

1960–1980-е гг. ассоциируются с опережающими темпами строительства новых городов и поселков на развивающихся северных территориях. Экономика северных городов диверсифицировалась, реализовывались комплексные масштабные проекты, что могло быть обеспечено дополнительной рабочей силой с определенной подготовкой и квалификацией. Привлечению квалифицированных кадров в арктические регионы способствовала проработка соответствующей нормативно-правовой базы, окончательное формирование

перечня территорий Крайнего Севера и законодательное закрепление районных коэффициентов и северных надбавок.

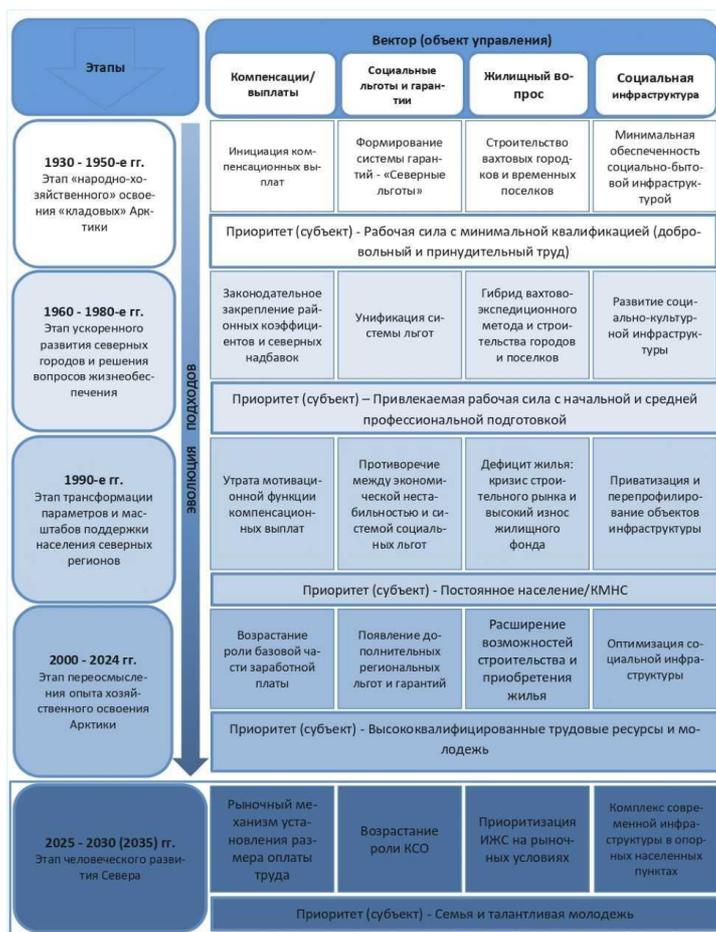

Рис. 1. Эволюция государственно-правовых подходов к формированию и развитию социальной привлекательности арктических территорий (составлено авторами).

Более образованная и квалифицированная рабочая сила предъявляла более высокие требования к наличию инфраструктуры, не только жизнеобеспечивающей, но и социально-бытовой и культурно-досуговой. Можно утверждать, что на этом этапе государственная политика приблизилась к целевому ориентиру повышения качества жизни населения северных территорий.

На протяжении 1990-х гг. вместе с экономическими реформами произошла трансформация социальной роли государства, рыночные правила и нормы вытеснили привычные меры поддержки населения. На фоне либерализации цен, витков инфляции и волатильности рубля «северные» заработные платы, несмотря на компенсационные выплаты, оказались неконкурентоспособными, что привело к утрате мотивационной функции системы оплаты труда на арктических территориях Крайнего Севера. Экономическая нестабильность негативно отразилась на строительном рынке, что в совокупности с высоким износом жилищного фонда (по большей части введенного в эксплуатацию как временного) привело к острому дефициту жилья. Переход объектов социальной инфраструктуры от государственной собственности в частную в ходе

приватизации привел к её неэффективному использованию, часть инфраструктурных объектов была перепрофилирована и переведена в более коммерчески привлекательный сегмент. Хозяиствующие субъекты, проанализировав свои активы, отказались от непрофильных, представляющих собой, по большей части, элементы социальной инфраструктуры. К началу 2000-х гг. уровень жизни и качество жизни населения северных территорий снизились не только по отношению к предыдущему периоду, но и в сравнении со среднероссийскими показателями. Отличительной особенностью этого периода является политика по отношению к коренным малочисленным народам Севера, которую определял Государственный комитет по социально-экономическому развитию Севера, созданный в 1990 г. и упразднённый в 2000 г. Этот институт курировал федеральные целевые программы, посредством которых осуществлялась в том числе и социальная поддержка КМНС. Отдельно можно выделить ФЦП «Дети Севера», направленную на всестороннее и гармоничное развитие детей, живущих на Севере. Проблема дефицита финансирования не позволила в полной мере реализовать инициативы по решению актуальных задач социального развития арктических территорий.

XXI в. задал новые ориентиры в определении векторов развития арктических регионов, обосновании новых точек роста, которые, соответствуя целям тысячелетия, социально устойчивы и позволяют не просто использовать трудовой капитал, а развивать человеческий потенциал. В новых реалиях арктические территории заинтересованы в человеке с высоким уровнем квалификации, развитыми компетенциями и безграничным потенциалом. Вопрос повышения социальной привлекательности для северных территорий, характеризующихся отрицательными значениями естественного и миграционного прироста, встал максимально остро. Стало очевидным, что необходим критический анализ и пересмотр федеральных инструментов мотивации, разработка дополнительных региональных льгот и гарантий. Возможности материального стимулирования напрямую зависят от эффективности развития региональных социально-экономических систем, а не от государственной политики в отношении организации оплаты труда на Севере. На этом этапе происходит поиск новых результативных форм и инструментов формирования и повышения социальной привлекательности территорий, заключающийся прежде всего в расширении возможностей строительства и приобретения жилья, а также в расширении перечня объектов социальной инфраструктуры в количественном и качественном измерении.

Поскольку вопросы развития арктических территорий в условиях современных вызовов привлекают пристальное внимание государства и бизнес-сообщества, сформировался широкий перечень механизмов, призванных решать социальные задачи «северной специфики». Назрела необходимость критического анализа существующих механизмов регулирования с целью корректировки слабо проработанных или отсутствующих элементов.

Систематизация современных механизмов повышения социальной привлекательности арктических территорий

По критерию регулирующего воздействия все механизмы повышения социальной привлекательности арктических территорий делятся на государственные, рыночные, корпоративные и наднациональные. Авторами исследования была проведена систематизация не всех, а только ключевых механизмов, оказывающих существенное системное влияние на привлекательность арктических регионов России. Для сохранения единства предмета исследования и последовательности авторского подхода векторы (объекты управления) выбраны такие же, как и при анализе эволюции государственно-правовых подходов к формированию и развитию объекта исследования: компенсации / выплаты, социальные льготы и гарантии, жилищный вопрос, социальная инфраструктура (Рис. 2).

Проведённый комплексный анализ институциональной среды показал, что, несмотря на активное развитие рыночных и корпоративных механизмов повышения социальной привлекательности Арктики, в данном макрорегионе сохраняется системный дисбаланс: именно государственные механизмы оказывают определяющее влияние на объект настоящего исследования. Это объясняется особыми условиями жизнедеятельности населения и слабой хозяйственной освоенностью территории. Социальные процессы, происходящие на Севере и в Арктике, являются крайне уязвимыми и требуют постоянного мониторинга, анализа и корректирующего воздействия со стороны государства путём реализации политики, направленной на социальную защиту граждан.

Тип механизма регулирования	Вектор (объект управления)			
	Компенсации/ выплаты	Социальные льготы и гарантии	Жилищный вопрос	Социальная инфраструктура
Государственные механизмы	<ul style="list-style-type: none"> - Повышенная оплата труда: северные надбавки и районные коэффициенты - Оплата проезда к месту отдыха 	<ul style="list-style-type: none"> - Дополнительный оплачиваемый отпуск - Сокращенная рабочая неделя - Ранний возраст выхода на пенсию - Гарантии медицинского обеспечения 	<ul style="list-style-type: none"> - «Арктический гектар» - Типовые инженерные проекты - Фонд доступного арендного жилья 	<ul style="list-style-type: none"> - Опорные арктические населенные пункты - «Президентская единая субсидия» - Специальные бюджетные кредиты
Рыночные механизмы	<ul style="list-style-type: none"> - Уровень оплаты труда пропорционален производительности труда 	<ul style="list-style-type: none"> - Система встроенных стабилизаторов 	<ul style="list-style-type: none"> - «Арктическая ипотека» - «Арктический квартал» - Деревянное домостроение 	<ul style="list-style-type: none"> - «Арктическая концессия»
Корпоративные механизмы	<ul style="list-style-type: none"> - Премияльный фонд - Коллективный договор 	<ul style="list-style-type: none"> - Социальные программы ДМС - Социальный пакет 	<ul style="list-style-type: none"> - Мобильные вахтовые поселки «под ключ» - Корпоративный жилой фонд 	<ul style="list-style-type: none"> - Социальное партнерство - Программы реновации
				
Наднациональные механизмы				

Рис. 2. Ключевые (действующие и формирующиеся) механизмы регулирования социальной привлекательности арктических территорий (составлено авторами).

Все государственные механизмы регулирования социальной привлекательности можно разделить на традиционные, то есть те, которые сформировались эволюционным путём (и воспринимаются обществом как социальный императив), и новые механизмы, которые разрабатываются и внедряются государством в ответ на возникающие современные вызовы и угрозы. К первой группе относятся компенсационные выплаты, социальные льготы и гарантии, которые закреплены в Трудовом кодексе РФ и других нормативных актах в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Для работников бюджетной сферы это повышенная оплата труда, включающая северные надбавки и районные коэффициенты, сокращённая рабочая неделя, дополнительный оплачиваемый отпуск и оплата проезда к месту отпуска, ранний возраст выхода на пенсию и другое. Многие эксперты отмечают, что традиционные механизмы социальной привлекательности северных и арктических территорий со временем утратили свою мотивационную функцию и не обеспечивают сравнительных конкурентных преимуществ. Поэтому на современном этапе для удержания населения на арктических территориях и привлечения новых специалистов необходим поиск особых форм мотивации, и для этого государство разрабатывает комплексные программы развития Арктики и её отдельных мезорегионов.

Проблема обеспеченности населения Арктики качественным и безопасным жильём всегда была одной из центральных, а в настоящий момент является критически острой. Износ жилого фонда в некоторых арктических поселениях составляет более 70%, и этот процент увеличивается, так как динамика ввода нового жилья по программам переселения отстаёт от динамики роста объёмов признания жилья аварийным. Такие ситуации особенно характерны для посёлков, в которых в период народно-хозяйственного освоения Севера 1930–1950-х гг. создавались временные быстровозводимые жилые здания (бараки). Для решения жилищной проблемы государство не только содействует развитию рыночных механизмов, таких как, например, «Арктическая ипотека», но и выступает полноценным держателем и регулятором. Объёмы строительства и ввода в эксплуатацию жилья в Арктической зоне существенно ниже, чем в целом по стране. Одним из приоритетов государства в этой сфере является содействие развитию индивидуального жилищного строительства (ИЖС). С 2021 г. реализуется программа «Арктический гектар», которая позволяет гражданам страны брать в безвозмездное пользование земли Арктической зоны для освоения, например, для ИЖС, ведения сельского хозяйства или предпринимательской деятельности. За три с половиной года работы программы ей воспользовались уже более 9,7 тыс. чел. Также Министерством строительства и ЖКХ РФ разрабатывается типовая проектная документация по строительству в Арктической зоне, в том числе деревянного и модульного домостроения. Рассматривается вопрос создания фонда доступного арендного жилья в Арктике, для чего необходимо приобретать арендные квартиры и субсидировать арендную плату. В некоторых арктических субъектах действуют региональные государственные жилищные программы. Например, в Мурманской области есть программа «Свой дом в

Арктике», участники которой могут получить от 1 до 1,5 млн руб. на строительство дома или покупку домокомплекта.

Новая федеральная Стратегия пространственного развития РФ до 2030 года² основным пространственным приоритетом определяет систему опорных населённых пунктов — поселений, развитие которых будет способствовать реализации национальных целей развития, формированию более эффективной системы расселения людей и размещения социальной инфраструктуры. Всего президиумом Правительственной комиссии по региональному развитию в РФ утверждены 2 160 опорных населённых пунктов, которые в соответствии с критериями определения разделены на четыре категории: новые точки роста, городские агломерации и административные центры регионов, стратегические населённые пункты и иные населённые пункты, выполняющие функции опорных³. В настоящий момент для всех опорных населённых пунктов разрабатываются программы развития инженерно-коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры, которые будут реализовываться в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни»⁴ через механизмы инфраструктурных бюджетных кредитов, а также казначейских инфраструктурных кредитов. Для арктического макрорегиона в конце 2023 г. Правительство РФ утвердило перечень опорных населённых пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ с целью улучшения условий жизнедеятельности постоянного населения, повышения качества и доступности обязательных социальных услуг, создания условий для самореализации людей⁵. В него вошли 16 стратегически значимых опорных пунктов (агломераций), в которых проживает более 1,6 млн чел. или 65% от всего населения российской Арктики. Для данных территориальных единиц разрабатываются мастер-планы на период до 2035 г. — комплексные планы долгосрочного социально-экономического развития. Например, ключевыми направлениями развития самой крупной в Арктике Архангельской агломерации (Архангельск, Северодвинск и Новодвинск), где проживает 20% населения АЗРФ, являются развитие инфраструктуры общественного транспорта, увеличение жилищной обеспеченности за счёт строительства комфортного жилья, сокращение степени износа коммунальной инфраструктуры, создание рекреационных пространств, строительство досуговой спортивной инфраструктуры, повышение экологического благополучия территории и другое. Миссия Архангельской агломерации определяется как

² Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/> (дата обращения: 12.02.2025).

³ В рамках исполнения перечня поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. (№ Пр-616 от 30 марта 2024 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408704827/> (дата обращения: 10.02.2025).

⁴ Разработан в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 10.02.2025).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 28.11.2023 N 3377-р (ред. от 13.08.2024) «Об утверждении перечня опорных населённых пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408019009/> (дата обращения: 11.02.2025).

сохранение людей в Арктике, самобытности северной культуры и истории, а на её достижение планируется направить суммарно более 1,8 трлн руб.

Ещё одним важным государственным механизмом регулирования социальной привлекательности Арктики является программа «Единая субсидия»⁶. Она представляет собой межбюджетные трансферты на реализацию планов мероприятий социального развития центров экономического роста Дальнего Востока и Арктики. С помощью данного механизма выделяются средства арктическим регионам на обновление системы ЖКХ, благоустройство и модернизацию социальной инфраструктуры. Всего на эти цели с 2022 по 2024 гг. из федерального бюджета было направлено более 10 млрд руб. Чаще всего субсидия расходуется регионами на строительство и ремонт детских дошкольных учреждений, школ, учреждений культуры, поликлиник и спортивных сооружений.

При анализе ключевых механизмов регулирования социальной привлекательности нельзя преуменьшать важность саморегулирования рынка труда. Взаимное влияние товарного рынка и рынка труда возрастает по мере развития регулирующих функций рыночного механизма. Основной регулирующей силой становится прибыль предпринимателя, а колебание нормы прибыли в зависимости от рыночной конъюнктуры сжимает или расширяет рынок труда, регулирует его качественно-количественный состав. Это напрямую влияет на перераспределение доходов владельцев факторов производства, уровень оплаты труда меняется пропорционально изменению предельного продукта труда. Иначе говоря, срабатывает одна из основных рыночных закономерностей: соответствие уровня оплаты труда его производительности. Инструменты государственного регулирования становятся дополнительными, усиливающими регулирующую функцию рынка посредством встроенных стабилизаторов закреплённых правовых норм.

Кроме того, государство включает мотивационные функции рынка, определяя конкретные направления финансирования и расставляя приоритеты посредством официальных и неофициальных «посланий» бизнесу. Так запускаются особые режимы повышения инвестиционной и социальной привлекательности северных территорий — «Арктическая концессия» и «Арктическая ипотека». Государственные органы власти в контексте глобальной повестки устойчивого развития формируют тренды для всех субъектов рынка. Например, для достижения целей «Устойчивые города и населённые пункты» и «Ответственное производство и потребление» задаётся тренд на деревянное домостроение.

Бизнес как участник рынка труда реализует корпоративные механизмы регулирования социальной привлекательности территории, охватывая не только своих сотрудников и членов их семей, но и всё население территории присутствия. Работодатели

⁶ Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2022 года № 1694 действие постановления Правительства Российской Федерации от 14 марта 2018 года № 254 и утвержденных им Правил предоставления и распределения иных межбюджетных трансфертов на реализацию мероприятий планов социального развития центров экономического роста субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, распространяются и на территории Арктической зоны.

из арктических регионов достаточно активно инвестируют в различные социальные блага. Можно утверждать, что этот процесс будет интенсифицироваться вследствие формирующегося дефицита квалифицированной рабочей силы. С одной стороны, корпорация рассматривает персонал как элемент конкурентоспособности компании и потому вынуждена поддерживать лояльность сотрудников с помощью сложносочиненного социального пакета, с другой стороны, превышение количества существующих вакансий над количеством экономически активного населения заставляет бизнес предлагать на рынке труда более привлекательные условия для потенциальных сотрудников.

Часть инструментов уже стала обычной практикой и используется достаточно широко. Речь, прежде всего, идёт о заключении коллективных договоров, в которые включают основные обязательства сторон. Эти обязательства фактически являются элементами социальной привлекательности, поскольку состоят не только из обязательных условий, гарантированных государственными правовыми и нормативными документами, но и из необязательных (дополнительных) компонентов социально-трудовых отношений. Это вопросы, связанные с оплатой и условиями труда, повышением квалификации и карьерным ростом, рабочим и нерабочим временем, оздоровлением и отдыхом.

Ключевой задачей корпораций в повышении социальной привлекательности территории является непосредственное участие в развитии региона присутствия: финансирование проектов создания и модернизации социальной инфраструктуры, поддержка региональных систем образования, здравоохранения, культуры. В подобных проектах крупные корпорации могут выступать не только в качестве исполнителя или заказчика, но и грантодателя, что позволит стимулировать социальную активность, вовлекая различные заинтересованные группы. Хорошей практикой являются совместные действия региональных властей, бизнеса и местного сообщества в разработке и реализации комплексных программ социально-экономического развития территории. Важно, чтобы подобные инициативы затрагивали не только текущие проблемные вопросы, но и имели перспективное видение внешнего образа, имиджа и бренда территории. Градостроительные планы, программы реновации, проекты формирования комфортной городской среды должны учитывать мнения всех заинтересованных сторон и основываться на глубоко проработанном научном фундаменте. Стоит отметить, что подобная практика в полной мере становится нормой в основном для корпораций первичного сектора экономики — тех, чья деятельность напрямую связана с природными ресурсами, например, для добывающей промышленности. Это компании не являются территориально мобильными, вследствие чего возникает взаимообусловленная зависимость региона и работающей в нём корпорации. Предприятия вторичного сектора экономики, как правило, более свободны в выборе места размещения, поэтому их социальная деятельность в отношении территории присутствия зачастую минимальна или находится в зачаточном состоянии. Инструменты государственного регулирования могут выполнить мотивационную функцию и ускорить

развитие этого процесса.

Компании, осуществляющие свою деятельность на северных территориях, инвестируют также в поддержку коренных малочисленных народов. Это направление работы необходимо координировать не только в масштабах государства, но и на глобальном уровне, что эффективнее всего осуществляется посредством надгосударственных механизмов регулирования. Например, в рамках деятельности Арктического совета, одной из целей которого является социальная поддержка народов Севера. В повестке заседаний рабочей группы по устойчивому развитию в 2024 г. были проекты «Дети Арктики» и «Молодёжь Арктики».

Несмотря на существующие и формирующиеся механизмы, серьёзным вызовом успешному социально-экономическому развитию арктических территорий по-прежнему остаётся их низкая социальная привлекательность, приводящая к осязаемому кадровому дефициту, дисбалансу на рынке труда и старению населения. В этих условиях необходимо трансформировать подход к решению социальных вопросов, ориентируясь не столько на текущие проблемы, сколько на образ желаемого результата.

Трансформация институционального подхода к формированию и развитию социальной привлекательности арктических территорий

Формирование современных механизмов повышения социальной привлекательности территорий должно осуществляться в контексте идеологии социально ориентированной экономики, то есть соответствовать одновременно двум целевым ориентирам [18, Подшивалов Н.С., Сивоброва И.А., с. 158]:

Первый — повышение социального потенциала территории, отражаемого через компоненты индекса человеческого развития (продолжительность здоровой жизни, образование и уровень дохода).

Второй — устранение неравенства в возможностях, реализация принципов социальной справедливости, связанных с доступом к социальным благам и услугам разных групп населения, а значит, и с обеспеченностью современной социальной инфраструктурой.

Важно понимать, что на северных территориях в силу их специфики сложнее реализовать этот двуединый подход, требуется разработка комплексных программ и проектов как на уровне макрорегиона — Арктической зоны РФ, так и на уровне отдельных северных территорий.

В силу комплексности задач, ограниченности ресурсов и заданного временного интервала необходимо серьёзное внимание уделить обоснованию инструментария социальной привлекательности. В основе классификации применяемых механизмов и используемых инструментов могут быть разные критерии: масштаб, цели, приоритеты, источники и пр. [19, Musolino D., Kotosz B., с. 1164] Анализ феномена социальной привлекательности как явления должен строиться на основе индикативного признака (Рис. 3).

Рис. 3. Концепция социальной привлекательности территории по индикативному признаку (составлено авторами).

Для анализа сущности концепции используются различные показатели, способные ответить на вопросы об уровне и направлении привлекательности.

Фиксируемая социальная привлекательность отображается статистическими показателями (потоками), такими как:

- перемещение экономически активного населения;
- экспорт / импорт образовательных услуг и их сальдо;
- въездные и выездные туристские потоки и их сальдо.

Этот анализ определяет социальную привлекательность прошлых периодов, поскольку большинство статистических показателей являются запаздывающими по своей природе и подтверждают уже произошедшие изменения.

Воспринимаемая социальная привлекательность отображается неформальными характеристиками, определяемыми:

- сформировавшимся образом территории;
- ассоциациями, вызываемыми территорией;
- позитивным / негативным контентом в СМИ.

В данном случае совпадают оценки и текущая ситуация. Воспринимаемая привлекательность может формироваться заинтересованными группами для решения различных проблем.

Перспективная социальная привлекательность отражает социальный потенциал территории и определяется факторами, способными повысить её привлекательность в будущем:

- местоположение;
- климатические условия;

- близость к «центру»;
- заявленные проекты развития;
- комфортная среда и пр.

При разработке инструментов повышения социальной привлекательности территории следует проанализировать не столько статистические показатели, сколько факторы, способные в перспективе упрочить социальный потенциал, стать катализаторами позитивных изменений, воздействие которых скорректирует текущую ситуацию. Необходим качественный переход от системы «план — отчёт» к системе «возможности и их реализация». Для этого должно быть сформировано единое для всех заинтересованных сторон (органов государственной власти, местного самоуправления, бизнеса и населения) видение конечного результата. Параметры социальной привлекательности арктических территорий должны быть существенно выше тех же параметров южных территорий для компенсации дискомфорта проживания, новые высокие социальные стандарты должны стать привычной практикой.

Предметом управления социальным развитием Арктики должна стать перспективная социальная привлекательность территории. Это означает, что в основе разработки и реализации социальной политики и последующих управленческих решений должен быть заложен принцип опережающего развития территории, строящийся на перспективном стратегическом прогнозе. Методической и организационной базой реализации такой политики может стать гармонизация системы механизмов повышения социальной привлекательности арктических территорий на принципах социального партнёрства ключевых акторов.

Заключение

Проведённый анализ подходов к формированию и развитию социальной привлекательности Арктики, начиная с этапа народно-хозяйственного освоения ее «кладовых», продемонстрировал, что корректировки в расстановке приоритетов и направлений государственного воздействия происходили эволюционно. Это объяснялось изменением как целевых установок правительства, так и возникающими проблемами социально-экономического развития северных территорий.

Систематизация инструментов повышения социальной привлекательности арктических территорий подкрепила гипотезу о продолжающемся превалировании государственных механизмов в этом направлении регулирования. Рыночное саморегулирование срабатывает лишь частично и только в краткосрочном периоде, рынок не обладает стратегическим видением и мышлением, поэтому ему требуется усиление и поддержка со стороны государственных институтов.

Критический анализ отдельных инструментов во взаимосвязи друг с другом позволил выявить неэффективность системы регулирования в целом. Ряд механизмов фактически не

работает, поскольку они полностью или частично утратили свои функции. Это касается прежде всего мотивационной функции компенсационных выплат (северных надбавок и районных коэффициентов). Формирующиеся сегодня механизмы в своём стремлении дать быстрый результат в развитии арктических территорий начинают дублировать друг друга или, что гораздо хуже, противоречить друг другу (например, административные и налоговые льготы резидентам Арктической зоны РФ и резидентам арктических территорий опережающего развития). При этом не происходит задуманной здоровой конкуренции между отдельными территориями за инвесторов, рабочую силу и внимание федерального центра.

Корпоративное регулирование, несомненно, развивается не только в отношении собственного персонала и членов их семей, но и в отношении территории присутствия. Демонстрируемая социальная ответственность используется не только для повышения качества используемых трудовых ресурсов, но и в целях создания позитивной репутации корпорации, расширения зоны влияния и накопления нематериальных активов. Проблемой по-прежнему остаётся то обстоятельство, что подобной активностью охвачен только крупный бизнес, функционирующий в первичном секторе экономики. Несмотря на то что этот сектор является самым весомым в большинстве арктических субъектов, ему не под силу ликвидировать все существующие здесь дисбалансы.

Назрела необходимость трансформации подхода к формированию и развитию социальной привлекательности арктических территорий посредством перспективной оценки социального потенциала на основе анализа всех экзогенных и эндогенных переменных развития. Управление перспективной социальной привлекательностью с набором соответствующих механизмов становится полем для будущих прикладных исследований по формированию соответствующего арсенала.

Список источников

1. Petrovskiy V.E. A New Military and Political Landscape in the Arctic: China Perspective // *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2024; 54: 74–86. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.74>
2. Балаклеец Н.А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // *Вестник Томского государственного университета*. 2015; 396: 38–42. <https://doi.org/10.17223/15617793/396/6>
3. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // *Арктика: экология и экономика*. 2020; 4 (40): 4–18. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-4-18>
4. Уханова А.В., Смиреникова Е.В., Воронина Л.В. Классификация факторов миграции населения российской Арктики // *Фундаментальные исследования*. 2021; 4: 123–129. <https://doi.org/10.17513/fr.43011>
5. Руденко Д.Ю. Анализ демографических процессов в российской Арктике // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2015; 6 (4–1 (24)): 51–57. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2015.6.4.51.57>
6. Heleniak T. Migration in the Arctic // *Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North*. Akureyri: Northern Research Forum. 2014; 82104

7. Фаузер В.В., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Этнический потенциал формирования человеческих ресурсов российской Арктики // *Арктика: экология и экономика*. 2024; 14 (2 (54)): 286–300. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2024-2-286-300>
8. Попов Е.В., Кац И.С. Стратегии повышения социальной привлекательности регионов // *Региональная экономика: теория и практика*. 2014; 21 (348): 2–14.
9. Рубан В.А. Привлекательность региона для населения и бизнеса // *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. 2013; 1: 127–131.
10. Лаженцев В.Н. Концепции и реальность социально-экономического развития северных территорий России // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2018; 5 (61): 4–14. <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.4-14>
11. Лексин В.Н. Социально-экономические проблемы Российской Арктики. Между прошлым и будущим // *Российский экономический журнал*. 2018; 5: 3–25.
12. Markin V.V., Silin A.N. Human and social potential of neo-industrial development of the Arctic: sociological analysis, modeling, and regulation // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017; 10 (6): 75–88. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.5>
13. Zhigunova G.V., Sharova E.N. Assessment of the Attractiveness of Life in the Russian Arctic (On the Example of the Murmansk Region) // *Theory and Practice of Social Development*. 2023; 6: 33–42. <https://doi.org/10.24158/tpor.2023.6.3>
14. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // *Арктика и Север*. 2019; 34: 57–76. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.34.57>
15. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // *Арктика и Север*. 2018; 31: 5–27. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
16. Григоришин А.В. Социальная инфраструктура как основа качества жизни населения в Арктике // *Друкерровский вестник*. 2023; 5 (55): 186–193. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-5-186-193>
17. Торопушина Е.Е. Методические подходы к оценке уровня развития социальной инфраструктуры регионов Севера и Арктики России // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2018; 4 (60): 101–111. <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.4.2018.60.101-111>
18. Подшивалов Н.С., Сивоброва И.А. Социальная поляризация и дифференциация доходов населения по оси «Север-Центр» // *Арктика и Север*. 2024; 55: 145–160. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.145>
19. Musolino D., Kotosz B. A new territorial attractiveness index at the international scale: design, application and patterns in Italy // *The Annals of Regional Science*. 2024; 72: 1159–1187. <https://doi.org/10.1007/s00168-023-01239-w>

References

1. Petrovskiy V.E. A New Military and Political Landscape in the Arctic: China Perspective. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 54: 74–86. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.74>
2. Balakleets N.A. Terra Nullius and Power Relations in Social Space. *Tomsk State University Journal*. 2015; 396: 38–42. <https://doi.org/10.17223/15617793/396/6>
3. Fauzer V.V., Smirnov A.V. Migration of the Russian Arctic Population: Models, Routes, Results. *Arctic: Ecology and Economy*. 2020; 4 (40): 4–18. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-4-18>
4. Ukhanova A.V., Smirennikova E.V., Voronina L.V. Classification of Migration Factors of the Russian Arctic Population. *Fundamental Research*. 2021; 4: 123–129. <https://doi.org/10.17513/fr.43011>
5. Rudenko D.Yu. The Population Dynamics in the Russian Arctic. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2015; 6 (4–1 (24)): 51–57. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2015.6.4.51.57>
6. Heleniak T. Migration in the Arctic. In: *Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North*. Akureyri, Northern Research Forum. 2014; 82104
7. Fauzer V.V., Smirnov A.V., Fauzer G.N. Ethnic Potential for the Formation of Human Resources in the Russian Arctic. *Arctic: Ecology and Economy*. 2024; 14 (2 (54)): 286–300. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2024-2-286-300>

8. Popov E.V., Kats I.S. Strategies of Regions' Social Attractiveness Enhancement. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2014; 21 (348): 2–14.
9. Ruban V.A. Attractiveness of the Area for the Public and Businesses. *BSU Bulletin. Economics and Management*. 2013; 1: 127–131.
10. Lazhentsev V.N. Concepts and Reality of Socio-Economic Development of the Northern Territories of Russia. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2018; 5 (61): 4–14. <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.4-14>
11. Leksin V.N. Social and Economic Problems of Russian Arctic. Between the Past and the Future. *Russian Economic Journal*. 2018; 5: 3–25.
12. Markin V.V., Silin A.N. Human and Social Potential of Neo-Industrial Development of the Arctic: Sociological Analysis, Modeling, and Regulation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017; 10 (6): 75–88. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.5>
13. Zhigunova G.V., Sharova E.N. Assessment of the Attractiveness of Life in the Russian Arctic (On the Example of the Murmansk Region). *Theory and Practice of Social Development*. 2023; 6: 33–42. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.6.3>
14. Pilyasov A.N., Zamyatina N.Yu. Development of the North 2.0: Challenges of Making a New Theory. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2019; 34: 57–76. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.34.57>
15. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. The New Theory of the Arctic and Northern Development: Multi-Scale Interdisciplinary Synthesis. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2018; 31: 5–27. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
16. Grigorishchin A.V. Social Infrastructure as the Basis of the Quality of Life of the Population in the Arctic. *Drukerovskij Vestnik*. 2023; 5 (55): 186–193. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-5-186-193>
17. Toropushina E.E. Methodical Approaches to Evaluation of Social Infrastructure Development in the Russian Northern and Arctic Regions. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2018; 4 (60): 101–111. <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.4.2018.60.101-111>
18. Podshivalov N.S., Sivobrova I.A. Social Polarization and Income Differentiation on the “North-Center” Axis. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2024; 55: 145–160. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.145>
19. Musolino D., Kotosz B. A New Territorial Attractiveness Index at the International Scale: Design, Application and Patterns in Italy. *The Annals of Regional Science*. 2024; 72: 1159–1187. <https://doi.org/10.1007/s00168-023-01239-w>

Статья поступила в редакцию 07.03.2025; одобрена после рецензирования 15.03.2025;
принята к публикации 20.03.2025

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов